ГК100
Т696

М. ТОМСКИЙ

УГРОЗА ВОЙНЫ И ЗАДАЧИ РАБОЧЕГО КЛАССА

Изд-тво ВЦСПС
МОСКВА - 1927

2 экз

ГК 100
Т 696

М. ТОМСКИЙ

327
Т. 56.

УГРОЗА ВОЙНЫ И ЗАДАЧИ РАБОЧЕГО КЛАССА

РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ ПЛЕНУМА
ЛЕНИНГРАДСКОГО СОВЕТА РК и КД
11 ИЮНЯ 1927 г.

СОРОКОВАЯ ТЫСЯЧА

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ВЦСПС МОСКВА
1927

2-2ку.

4772c.1

ГК100
Т696

11905

С.С.С.Р.
ИНСТИТУТ
К. Маркса и Ф. Энгельса
Ц. И. К.

1059397

Главлит № 91.694. Тираж 75.000.

Тип. РИО ВЦСПС, Москва, Крутицкий Вал, д. 36.

УГРОЗА ВОЙНЫ И ЗАДАЧИ РАБОЧЕГО КЛАССА [1]).

Товарищи, Владимир Ильич по окончании гражданской войны учил нас не увлекаться наступившим миром. Период, наступивший вслед за гражданской войной, он характеризовал не как период мира, а как передышку. Он не давал определения, насколько будет длительна эта передышка, но самое это слово— передышка — означает некоторый перерыв в той смертельной борьбе между страной пролетарской диктатуры и капиталистическим миром, — борьбой, которая в различных формах, но все же шла и идет непрерывно.

Борьба между пролетариатом СССР, поднявшим знамя мировой революции, и старым, дряхлеющим, капиталистическим миром была и будет смертельной борьбой. Нет и не может быть никакого примирения у государства восставших и победивших своих капиталистов пролетариев и крестьян с владыками, угнетающими десятки миллионов пролетариев и сотни

---

[1]) Речь на заседании Пленума Ленинградского Совета РК и КД 11 июня 1927 г.

миллионов отсталых народов колониальных и полуколониальных стран. Между миром строящегося социализма и миром разлагающегося капитализма нет, не было и не будет ничего общего. Мы никогда ни от кого не скрывали, что СССР есть совершенная противоположность всему миру капитализма.

Передышка, по существу, значит, что мы еще недостаточно сильны для того, чтобы сбросить на-земь своего противника — империализм и капитализм — и задавить его; еще недостаточно силен для этого международный пролетариат; еще крепко опутаны значительные слои рабочих цепями лжи, реформизма, обмана. Но, с другой стороны, это также свидетельствует о том, что и противник наш, который без всякого стеснения совершенно открыто своими танками, самолетами, армиями пытался в самом начале задушить Республики Советов, тоже не обладает необходимой для этого силой. Волей-неволей империалистам пришлось и приходится мириться с тем, что на одной шестой части земного шара существует совсем особый, резко противоположный капиталистическому строю, строй диктатуры пролетариата, где, если рассуждать с точки зрения буржуа и капиталиста, все делается наоборот: *где сажают в тюрьмы помещиков, капиталистов и дворян, когда они пытаются восстановить капиталистический строй,* и где считается величайшим позором принадлежность к классу эксплоататоров, где нет выше звания,

как звание рабочего, в то время как в остальном капиталистическом мире *сажают в тюрьмы рабочих и крестьян за то, что они хотят сбросить гнет капитала.* Между этими двумя мирами не может быть ничего общего, что могло бы на долгое время, на значительный промежуток времени, создать их мирное сожительство. Мы недостаточно сильны, для того чтобы сбросить гнет и владычество капиталистов, а они недостаточно сильны для того, чтобы задушить нас. Они пытались это сделать. Они попытались сперва в прямой схватке задушить нас, но не смогли этого сделать. Они после этого попытались сделать вид, что нас не замечают, — есть, мол, шестая часть света, на которой люди живут по-своему, мы их не замечаем, не хотим признавать, а без нас они погибнут. Но это можно сделать на словах, а не на деле, ибо, с точки зрения мировой экономики, шестую часть земного шара не замечать, не признавать нельзя, а погибать мы не собирались. Земной шар не арбуз, куска из него не вырежешь и не выбросишь. Можно сделать это на географической карте, можно дипломатически заявлять: «мы вас не признаем», — но в мировой экономике такой кусок, как одна шестая часть земного шара, кое-что значит.

Капитал не может существовать без прибыли, без того, чтобы не торговать. А нас Карл Маркс учил, что, когда дело касается прибыли, капиталист становится выше морали, выше всех «принципов»—готов

на всякие преступления, готов продать чорту свою душу, ибо главный принцип капитала — прибыль. Это и заставило их, несмотря на всю их ненависть к нам, признать Республики Советов. Торговать надо, избыток товара есть, а рынки узки; СССР не плохой заказчик и платит хорошо, — ни один его вексель нигде не опротестован, всегда все свои платежи он исполняет в срок; и хотя большевики и препротивный народ, но торговля вещь хорошая, а доходы еще того лучше: все это и послужило к тому, что те, кто хотели торговать, признали нас. Конечно, эти признания были сделаны исключительно с целью эгоистической.

Тот период, который наступил после интервенции, после окончания гражданской войны, был, есть и пока еще остается периодом передышки, периодом временного прекращения открытой вооруженной борьбы между республиками советов и остальным капиталистическим миром.

В настоящий момент наша страна вступает в новый период, который самым скромным образом можно охарактеризовать *началом конца передышки.* Мы видим совершенно не случайную волну отдельных крупнейших политических эпизодов, которые вытягиваются, связываются в одну целую определенную цепь. В чем заключаются эти эпизоды? Кратко напомню. Они заключаются: в захвате китайскими милитаристами нашего парохода «Память Ленина»;

аресте команды и дипкурьеров и захвате дипломатической почты; в налете Чжан-Цзо-Лина на пекинское посольство; в налете английской полиции на Аркос и наше торговое представительство в Лондоне; в разрыве Англией дипломатических сношений с СССР, а этому сопуствует пуля Войкову, отвратительный безумный акт в Ленинграде и убийство зам. председателя ГПУ Белоруссии—все это звенья разной величины, разного политического удельного веса, но звенья одной и той же цепи. Все эти факты являются нитью одной и той же политики. И за всеми этими фактами, несмотря на кажущуюся их беспорядочность, разнообразие и пестроту, выглядывают хорошо знакомые всем лица английских империалистов.

Почему же непременно Англия в лице английской буржуазии, английского капитализма, в лице партии консерваторов является наиболее активным, неизменно непримиримым и злобно настроенным врагом Союза Советских Социалистических Республик?

Английские капиталисты в лице консервативного правительства являются лишь наиболее последовательными, наиболее жестокими и нетерпимыми нашими врагами; и когда мы говорим о британском импернализме, о его враждебном отношении к нам,— это не значит, что капиталисты других стран настроены к нам доброжелательно и добродушно.

Английские капиталисты, английские империалисты и партия консерваторов имеют особые основания ненавидеть СССР особо бешеной злобой. Суть этой ненависти заключается в ряде непримиримых, особо острых, противоречий, которые существуют между великобританскими империалистами, политикой, проводимой партией консерваторов, и политикой, проводимой стоящим у власти рабочим классом СССР.

На одной стороне — ясно выраженное, классическое империалистическое государство — Англия, политика которой насквозь, с начала до конца, цинично колониальная. В ней мы видим страну, богатство которой создано путем беспощадной и дикой эксплоатации отсталых народов. Благосостояние английских капиталистов покоится на колониальной политике, на политике угнетения желтых и черных народностей,—торговле рабами в старое время и торговле опиумом и беспощадной эксплоатации китайских женщин и детей на современных фабриках в настоящее время.

На другой стороне — Республики Советов, политика которых направлена против всякого империализма, которым чуждо всякое угнетение, какой бы то ни было национальности, политика которых в корне отрицает всякую возможность поживиться за счет какой-нибудь национальности, страны или народа.

С царским правительством Англии было легко договориться и по персидскому и по китайскому вопросу. Как достигалось это согласование политики? — Вопрос решался очень просто: Персия делилась на сферы влияния. Южную Персию отдавали под английское «влияние»—«вы, англичане, торгуйте, стройте железные дороги и делайте что хотите, а сюда не лезьте». Северная Персия находилась в сфере влияния русского империализма, и здесь царь делал что угодно: вводил казаков для подавления восстаний персидского народа; строил свои железные дороги; вел бешеную эксплоататорскую политику; захватывал земли и т. д. Это политика простая, тут все ясно. Спор шел здесь только о том: «тебе ли больше или мне больше»; «все ли мне или дать кусок и тебе», методы же, принципы политики одинаковы.

Труднее, даже совершенно невозможно, для Англии решить с СССР вопрос, например, о взаимоотношениях с Персией, или о взаимоотношениях с другими народами. Вопрос о взаимоотношениях с экономически отсталыми народами, империалисты понимают только таким манером: «оттуда и дотуда и таким-то способом я буду тебя драть». В вопросе о Персии английская дипломатия в настоящее время наталкивается на то, что Союз ССР говорит: «я от так называемой «сферы влияния», которая была при царе, отказываюсь, не хочу иметь ее, ибо чужих

земель мне не нужно, чужого я не возьму, железных дорог стратегического характера строить не буду; живи, персидский народ, развивайся как хочешь; мы, советы, тебя всегда поддержим, всегда рады помочь тебе чем угодно; мы против всяких попыток нарушить твою свободу, против попыток задавить твою независимость». Такова политика СССР по персидскому вопросу, и, конечно, при такой нашей политике персидский вопрос для Англии неразрешим, ибо слишком велика разница во взглядах, в принципах этих двух миров, ибо наше нежелание принимать хоть какое-либо косвенное участие в грабеже Персии есть уже препятствие для грабительской политики английского империализма.

Как решался китайский вопрос при царе и как решается он теперь? В чем заключается суть китайского вопроса? — Китай, как экономически отсталая страна, привлекал и привлекает к себе внимание империалистов всего мира. Пользуясь его слабостью, каждое империалистическое государство нагло отрывало себе кусок китайской территории. Одни брали Вей-Ха-Вей, Циндао; другие резали себе другие куски, спор и противоречия заключались лишь в том, что каждый из них старался захватить себе побольше, взять то, что хотел взять себе другой.

И по китайскому вопросу взаимоотношения у царской России с другими державами тоже были просты. Противоречия были, были споры, но спорили

так, попросту, свой со своим говорил: «вот мне — северная Манчжурия, а тебе японец, — южная Манчжурия». Царское правительство делало что угодно в северной Манчжурии, а японцы—в южной. Вей-Ха-Вей принадлежал англичанам, а Порт-Артур, который был отнят впоследствии японцами, принадлежал царской России. Циндао принадлежал немцам, а после войны он был передан японцам. Так делили Китай на «сферы влияния», «протекторат» и «гарантии» и, как видите, здесь все ясно, тут все свои люди, делящие промеж себя добычу. Если у них имеется ряд непримиримых противоречий, то это похоже только на то, как два мазурика не могут между собою поделить награбленное. Все равно, как бы ни казался крепок союз этих мазуриков, каждый из них думает про себя, нельзя ли что-нибудь украсть у другого.

Наша же политика в китайском вопросе носит совершенно иной характер. Мы на дележку Манчжурии и Китая не идем. Пролетарская политика, политика рабочего класса, стоящего у власти, может быть только одна: братская помощь, братская поддержка всякому угнетенному, обездоленному, всякому восстающему за свои попранные права. Ни тени насилия над национальными и экономическими интересами отсталых народностей. Политика грабежей, аннексий, контрибуций — это не политика пролетариата, больше того, мы враги этой политики, мы всегда за угнетенного. Вот первое крупнейшее

противоречие, которое делает невозможным какое-либо с нами соглашение по интересующим Англию вопросам и, в частности, по китайскому вопросу.

Китай раздроблен, разорван на куски собственными милитаристами, с одной стороны, подавлен иностранными империалистами — с другой. В городах господствует иностранный капитал со своими обычаями и своими нравами. Эти культурные европейцы, которые кичатся своей культурой, там, в Китае, на китайских фабриках, где рабочий класс еще не организован, куда приходит отсталое, измученное, забитое нуждой сельское население, ожидая там лучшей участи, — вводят 12-тичасовой рабочий день, телесные наказания за проступки и 30 копеек в день жалованья. Вот условия, в которых живут рабочие Китая.

Китайцы в своей стране находятся на положении бесправных существ, принижаемых и оскорбляемых белыми совершенно безнаказанно. Китайца, совершившего какой-нибудь проступок на территории иностранной концессии, судят по законам не его страны, не Китая, а по законам Англии; англичанина, совершившего преступление в любом месте Китая, судят тоже по законам Англии. Для империалиста китаец не человек: его можно убить, насиловать, сделать с ним все, что угодно; но, если хоть один волос упадет с головы европейца, то на сцену сейчас же являются броненосцы и канонерки и начинается

беспощадное избиение сотен и тысяч китайцев, их жен и детей.

И нет ничего удивительного, что доведенный до отчаяния китайский народ, не будучи в состоянии больше терпеть, восстал против своих угнетателей. Восстание китайского народа идет одновременно по двум направлениям. Во-первых, это борьба против гнета иностранных империалистов за свое национальное освобождение и об'единение Китая. В этой борьбе до известного момента было частичное совпадение интересов китайской буржуазии и пролетариата, так как почти весь китайский народ страдает от национального гнета. Эта борьба против иностранных империалистов сливается с борьбой против гнета своих милитаристов-генералов, поддерживающих феодальные отношения и интересы, поделивших Китай на сферы влияния, выделивших себе по куску территории внутри Китая, где каждый из них, считая себя царьком в захваченном им округе, ввел свои налоги, свои деньги и имеет свою наемную армию, при помощи которой он эксплоатирует трудящиеся массы Китая. Эти генералы ведут между собой войны за право эксплоатации захваченных округов. Тот, кто выиграет сражение, кто является победителем, первым делом собирает с населения налоги. Другой в это время окреп силами — прогоняет первого и опять взимает налоги. Есть провинции, где, как это ни чудовищно (мне неоднократно рабочие

подавали записки, выражающие сомнения), крестьянами уплачены налоги за 72 года вперед. Это факт, ибо каждый генерал, при завоевании подвластной другому генералу территории, первым делом взыскивает налоги, и не только за этот год, но и за будущий; а следующий, приходя и видя, что налоги уже за два года собраны, собирает еще за два года вперед. Через месяц приходит третий; видя, что налоги собраны за четыре года, собирает тоже вперед, и т. д. Представителем этой группы, стоящей за сохранение феодальных пережитков в Китае и существующей еще лишь при прямом союзе с империалистами, является Чжан-Цзо-Лин. Однако, общность интересов борьбы против иностранных империалистов и своих милитаристов могла лишь до известной черты об'единить пролетариат и крестьянство, с одной стороны, и буржуазию — с другой. По мере развертывания и углубления революции, по мере формулирования и выставления своих экономических требований пролетариатом и крестьянством, неизбежен раскол и прямая борьба пролетариата и крестьянства против национальной буржуазии, испугавшейся размаха революции, грозящей ее непосредственным экономическим интересам.

Внутри национального движения в Китае начало развиваться широчайшее аграрное движение за отнятие земли от помещиков, от крупных арендаторов, которые низвели крестьян до беспросветной

нищеты и т. д. Одновременно с этим идет движение пролетариата, как всегда, движение социально-экономическое, движение за лучшие условия жизни и труда, за освобождение от капитала.

Крестьянское движение, идущее по пути отобрания земель у помещиков и изгнания их, явно начало выливаться, и несомненно выльется, в аграрную революцию, а движение пролетариата стало посягать на контроль над производством. «Святая святых» буржуазии, частная собственность, оказалась в опасности, и буржуазия в лице Чан-Кай-Ши[1]) повернула оружие против рабочих и крестьян.

Представительство и руководство китайской революции переходит к Ухану и его правительству. Отношение наше и английских консерваторов к борющимся между собой классовым группировкам Китая равным образом резко различное.

Политика Англии сводится к тому, чтобы оставить Китай в раздробленном состоянии, чтобы власть империализма была непоколебима, чтобы китайский крестьянин оставался в кабале у помещика, чтобы китайские рабочие продолжали быть бессловесным об'ектом чудовищной эксплоатации.

Политика СССР — за национальное освобождение китайского государства, за свержение всех милитаристов, за раскрепощение китайских крестьян и

---

1) А теперь Фын-Юй-Сяна, обе'динившегося с Чан-Кай-Ши против рабочих и крестьян, а за ним и Тан Шен-Чжи.

рабочих от гнета феодалов, помещиков и фабрикантов, за победу крестьян и рабочих.

Два совершенно разных мира с разными принципами. Можно ли найти здесь какой-нибудь стык между политикой этих двух стран? Есть ли здесь что-нибудь такое, что можно было бы согласовать каким-нибудь образом? — Нет. Здесь противопоставление, ясное даже отсталому китайскому крестьянину: — политика СССР, который говорит: «были у царя с китайским народом несправедливые, неравные договоры, навязанные Китаю силой оружия; мы бросаем в печь эти договоры, нам они не нужны; мы хотим других договоров, основанных на равенстве и взаимном уважении народов»; и политика Англии, которая посылает мощный флот и армии и громит китайский народ, за сохранение неравных, навязанных силой оружия договоров.

Провал империалистов в Китае принимает трагический характер для империалистов вообще и особенно для Англии. Ибо, если китайская революция, китайский мужик и рабочий сумеют дать пинка английскому империализму в Китае, то этим будет разбито представление о непобедимости английского империализма, и завтра последуют по стопам Китая: индусский мужик, индусский рабочий, а за ними народы Южной Африки, Египта и т. д. Все это вместе взятое означает окончательную и бесповоротную гибель английского империализма.

Несмотря на все предстоящие трудности, предательства и измены, китайская революция все же идет вперед, она поднимает все новые и новые слои крестьянства, она ширится, перерастая в аграрную революцию. Симпатии английского империализма, естественно, на стороне Чжан-Цзо-Лина. Симпатии миллионов трудящихся СССР есть и будут на стороне революционного Ухана. Непримиримость этих линий ясна и ощутительна. Английский империализм в проведении своей политики в Китае споткнулся о моральный вес и гигантское организующее значение идеи русской революции, идеи советской власти и ее политики.

Наше второе противоречие с Англией относится к вопросам нашей внутренней политики. Оно заключается в том, что рост мощи СССР затрагивает важнейшие жизненные интересы Англии. Английские капиталисты продолжают рассматривать и расценивать СССР (даже те, которые за хорошее отношение с нами), как страну, которая обречена быть страной аграрной, отсталой, страной, которая может и будет кое-что производить, но которая будет ввозить к себе из Англии дорогие машины и прочие орудия производства, а вывозить необходимое Англии сырье. Мы, как известно, хотим другого: хотим экономически ни от кого не зависеть, сами производить все орудия производства, развивать до конца свое социалистическое хозяйство. Путем величайших

1059397
СФ 11905
С.С.С.Р. ИНСТИТУТ К. Маркса и Ф. Энгельса ЦИК

лишений, которые касаются жизненных интересов миллионов рабочих и крестьян, мы ставим свое промышленное хозяйство—индустриализуем страну. Это противоречит интересам английских капиталистов, которым хотелось бы видеть нас страной исключительно земледельческой.

Чего ожидали капиталисты всего мира? — Они ожидали, что, победив с винтовкой в руках, мы провалимся на хозяйственном фронте. Они говорили: «Ну, попробуйте восстановить хозяйство без заграничных займов, — а займов мы вам не дадим, пока вы не признаете старых, царских долгов, военных долгов и т. д.». Нечего греха таить — мы и сами думали, что без заграничных займов нам не восстановить транспорта, угольной и металлической промышленности. Нигде в мире, — писал Владимир Ильич V С'езду Профсоюзов, — не пришлось восстанавливать тяжелую промышленность, после таких больших катастроф, на свои средства, без заграничных займов,—а так как займов нам никто давать не будет, поэтому придется сделать это своими силами. Мы понатужились и сделали то, чего в мире до нас никто не делал: мы своими силами восстановили тяжелую промышленность и гигантскими шагами пошли вперед; а между прочим, ставка капиталистов была на то, что мы не справимся, что нам придется пойти к ним на поклон, что нам придется согнуть шею и сказать: «Ну, мы не смогли сами справиться, помогите нам,

мы согласны заплатить вам за право делать революцию, ибо у нас ничего не вышло». А они скажут рабочим: «Ну, вот видите, без нас ничего не вышло». Однако, их ожидания не оправдались. Теперь все видят воочию, что у нас выходит не хуже, а получше, чем у них. В то время, как английский капитализм идет под гору, аграрная страна СССР, очень, правда, медленно, — а нам хотелось бы, чтобы это было скорее, — идет вперед. В то время, как экономическое положение английских рабочих, в силу ухудшившейся коп'юнктуры английской промышленности, в силу потери ряда рынков, идет вниз, экономическое положение рабочих СССР, хотя и медленнее, чем нам хотелось бы, идет вверх. Две обратно противоположные тенденции. Тот факт, что у нас и без капиталистов выходит не хуже, а лучше, подтверждается гигантским ростом симпатий трудящихся масс всего мира к Союзу Советских Социалистических Республик. Теперь даже самые беззастенчивые, наглые лжецы из социал-демократического лагеря не могут писать про СССР то, что они писали раньше, так как теперь ни один, даже самый отсталый рабочий этому не поверит. Прочитав ложь и небылицы об СССР в буржуазных газетах, английский рабочий и рабочий всякой другой страны скажет, что это — самая наглая ложь; информации буржуазных газет больше никто не верит, ибо тысячи рабочих видели своими глазами, что́ такое Советская Россия, видели как

живут, борются и куют своё счастье миллионы русских рабочих, видели небывалый культурный рост рабочего класса СССР.

Сейчас мы в мировой истории наблюдаем два явления: падение капитализма и рост социалистического хозяйства СССР. Целью английского капитализма является возврат потерянных и завоевание новых рынков, — эта задача может быть разрешена путем удешевления товаров. Вы видите, что кое-какие вопросы одинаковы и у нас и в мире капитализма: например, вопрос об удешевлении товаров, об удешевлении себестоимости. Вопрос о ценах для нас актуальнейший вопрос, потому что высокие цены ухудшают экономическое положение рабочих, высокие цены могут разорвать смычку между пролетариатом и крестьянством. Борьба *за низкие цены на промышленные изделия у нас*, это значит — борьба за повышение реальной заработной платы рабочих, за укрепление смычки между пролетариатом и крестьянством, за улучшение положения сельского хозяйства.

В Англии также идет борьба за снижение цен, но там она идет другим порядком, в совершенно других интересах. Борьба за снижение цен там есть борьба, конкуренция на рынках, английского капитализма с капитализмом возрождающейся Германии и Северо-Американских Соединенных Штатов. Снижение цен там может итти либо путем вложения в произ-

водство новых больших капиталов, либо путем ухудшения экономического положения рабочих, путем снижения зарплаты. По первому пути они не идут отчасти потому, что у них нет свободных капиталов, — они есть только в Америке, — а отчасти из-за боязни делать большие вложения в основной капитал промышленности, вытекающей из неуверенности в завтрашнем дне. При моих поездках за границу я видел довольно умных капиталистов, которые прямо говорили, что красный призрак бродит по Европе, тень СССР мелькает по Европе, и что при таких условиях можно вкладывать капитал только туда, где он быстро обернется. Поэтому, там завоевание мирового рынка может итти только по линии ухудшения экономического положения рабочих.

Мы видели недавно величайшую классовую битву в Англии — стачку горняков. В чем был смысл этой великой стачки? — Он заключался в том, что английский уголь не может по цене соперничать с углем германским, потому что разница в заработной плате английского, немецкого и французского рабочего колоссальна. Английский уголь слишком дорог, и для Англии выход — либо механизировать, рационализировать угольную промышленность, вбив в нее сотни миллионов, либо понизить зарплату английским горнякам. Капиталисты предпочли последнее. Мы видели величайший бой, который имел принципиальное, классовое значение.

Здесь стоял вопрос о том, позволит ли рабочий класс Англии производить снижение цен на промышленные товары за счет ухудшения своего экономического положения, позволит ли он капиталистам отнять у него те кое-какие уступки, которые он получил от них после войны? На горняках была сделана величайшая проба, и раздавить горняков значило раздавить всех остальных рабочих. Для консервативного правительства, для всех английских капиталистов это был принципиальнейший вопрос, имеющий политическое и классовое значение. Здесь была первая атака капитала: кто победит, кто выиграет первый бой — тому обеспечена победа и в будущих сражениях. На одной стороне были английские империалисты, английская буржуазия, а на другой — английские горняки, поддержанные рабочими СССР. Таким образом, фактически разгорелся бой между английским капиталом, с одной стороны, и английскими горняками и русскими рабочими — с другой. Это не был бой между правительством советов и консервативным правительством Англии, но это был бой более глубокого содержания — между победившими свою буржуазию рабочими СССР и английской буржуазией.

Даже в своей стране английская буржуазия наталкивается на колоссальнейшие противоречия, существующие между нами и ими. Ведь, для всех ясно, что если все трудящиеся СССР были на стороне

английских горняков, то тем самым и симпатии советского правительства и компартии были на стороне восставших горняков, ибо симпатии правительства в стране диктатуры пролетариата неотделимы от воли народа, и в первую очередь пролетариата. Морально это одно и то же. И это поняло английское правительство.

Этот ряд указанных мной противоречий предопределяет неизбежное столкновение двух миров. Почему торопятся с этим английские консерваторы? Потому, что две различные тенденции наблюдаются в развитии экономики и политики в СССР и в Англии. Потому, что они видят, что мы с каждым годом становимся сильнее, тогда как у них нет уверенности в том, что через год они будут сильнее, чем сейчас. Они видят, что передышка обращается не в их, а в нашу пользу, поэтому против нашей политики мира они ведут политику развязывания войны. Вот почему английские капиталисты, английские империалисты являются главнейшими и важнейшими нашими врагами; они являются лидерами наших врагов, олицетворяя всю враждебность буржуазного, дряхлого мира, который еще существует и живет рядом с нами.

Несмотря на все это, мы говорим и ведем политику за мир. Мы знаем, что из себя представляет консервативное правительство в Англии, пришедшее к власти посредством подлога письма Зиновьева. Мы знаем всю историю «родовитой» английской аристо-

кратии. Мы знаем, что крупнейшие каниталы тех фамилий, которые сидят в палате лордов и делают погоду в политике, созданы торговлей невольниками, продажей рома индейцам, торговлей опиумом в Китае. Мы знаем, что нет таких преступлений, которых не числилось бы в гербах этих «великих» фамилий английской аристократии. Мы знаем, что партия консерваторов есть партия рабовладельцев, партия людей, к которым прилипла кровь китайских детей, замученных на английских фабриках, кровь расстрелянных и замученных индусов. Мы знаем, с кем имеем дело, и, тем не менее, исходя из интересов трудящихся СССР, из интересов развития ближайших перспектив рабочей революции, мы против войны, мы были за то, чтобы поддерживать с ними необходимые, выгодные для обеих стран отношения. Поскольку нам приходится жить бок о бок с капиталистами, поскольку мы считаем, что передышка в наших интересах, мы за сохранение мира, за деловые сношения, потому что каждый год делает нас, все сильнее и сильнее. Это совершенно ясно для всех трудящихся нашего Союза. Год тому назад мы были гораздо слабее, чем сейчас, а через два года мы уже будем не теми, чем являемся теперь, а много сильнее.

У английских капиталистов же картина совершенно иная. Год тому назад дело у них еще было кое-как, а в этом году они имели колоссальнейшую стачку горняков, которая сильно подорвала англий-

ский рынок и принесла сотни миллионов рублей убытку. Мы видим крушение их политики в Китае, и в то же время, когда у них там такое плохое политическое положение, заставляющее их держать там значительный флот и значительную армию, они принуждены обострять внутреннюю борьбу в своей стране. Тот же разгром горняков, который дал им видимую победу, в то же время заставил их перейти в наступление против профсоюзов. Он заставил их проводить дикий, варварский закон о профсоюзах, который предполагает отбросить английское рабочее движение на сотню лет назад. Однако, еще неизвестно, что из этого выйдет, примирятся ли с этим английские рабочие. Я лично уверен, что внутри английского рабочего класса найдется еще достаточно сил для того, чтобы противодействовать введению закона. Я уверен, что наши товарищи-коммунисты сумеют выполнить свой долг в борьбе против этого законопроекта. Мы видели, как хорошо умеет драться английский рабочий.

Итак, мы видим, что для английских империалистов выгоднее развязать силы сейчас, приблизить решительную схватку, а для нас выгоднее оттянуть это время. Они видят, что чем дальше, тем хуже для них складывается соотношение сил: мы становимся чем дальше, тем сильнее и сильнее.

Вот почему у них пущены в оборот все средства, нажаты все пружины; все, что можно пустить в ход

против нас, — пущено. Не сомневаюсь, что хитроумные лорды еще что-нибудь изобретут. Война, это — их последнее средство, их последняя козырная карта.

Могут ли английские капиталисты, может ли партия консерваторов об'явить в данный момент, вот сейчас, войну СССР? — Нет, не могут. Не могут потому, что английский рабочий против нас воевать не хочет и не будет, а вести против нас войну, рассчитывая исключительно на силы наемной армии, дело затруднительное, если не сказать — опасное.

Война встретит сопротивление не только рабочих, — воевать не хочет сейчас и мелкая буржуазия всех стран. Не только у рабочего класса и у мелкой буржуазии, но даже у части средней буржуазии жива в памяти империалистическая война. Что получила мелкая буржуазия и часть средней буржуазии Германии и Франции в результате войны? Крушение валюты, которое обобрало немецкую, французскую и часть английской мелкой буржуазии так, как не обобрала своей буржуазии русская революция. Если подсчитать, что западно-европейская буржуазия потеряла на аннулировании наших долгов и что — на падении марки и франка, то окажется, что на последнем она понесла потерь в десять раз больше. Все тяжести войны были возложены, конечно, на рабочих и на мелкую буржуазию. Только

крупные магнаты вышли из войны с деньгами, все остальные потеряли, и не могли не потерять. Война непопулярна, и рабочие не будут драться.

Не может Англия вызвать нас сейчас на войну прямым наскоком, прямым насилием, пустив в ход союзные и сочувствующие ей крупные и мелкие буржуазные государства, находящиеся от нее в прямой зависимости. А она этого, несомненно, хочет. Больше того, мы имеем основания полагать, что Англия хочет войны, мы имеем факты, говорящие за то, что она пыталась и продолжает пытаться спровоцировать войну. Но пока не выходит. Не вышло потому, что никто не хочет войны, потому, что все знают, что такое война. Все понимают, что теперь из-за войны с СССР могут разгореться две войны: во-первых — мировая война, во-вторых — мировая классовая война. Противоречия, которые мы наблюдаем в Англии, в большей или меньшей степени происходят и в других государствах, быть может менее быстрым темпом, в менее ярком выражении. Вот почему в данный момент, немедленно, втянуть нас в войну не так легко, как хотелось бы нашим врагам. Если бы это было иначе, *война была бы уже об'явлена.*

Наконец, есть еще одно препятствие, которое мешает английским капиталистам *немедленно* броситься в войну, а равно создать единый фронт буржуазной Европы против СССР. Писали в газетах, что идут политические толки о «священном союзе

против коммунизма», о «священном союзе против большевиков, против советов», но не так-то легко этот «священный союз» осуществить. Ибо священный-то союз сам по себе, «единство принципов», «культуры» против варваров большевиков и прочие трескучие фразы наемных буржуазных писак, это—одно, ну, а свои интересы, свой-то карман, это совершенно другое и для каждого буржуа самое драгоценное. Равным образом и вся политика капиталистических государств руководствуется не какими-либо отвлеченными принципами, а только соображением: «А что я от этого получу и что могу потерять». Целый ряд экономических и политических противоречий между различными буржуазными государствами в основном остается тем же, каким он был и 10 лет тому назад. Если бы капиталистические государства могли на каком-либо принципе об'единяться, если бы они могли об'единить свои силы в сплошной классовый фронт, то поверьте, что мы сейчас не заседали бы в Мариинском театре. Почему они тогда раньше не об'единились? Никогда, уверяю вас, тождества интересов у них быть не может. Целый ряд антагонизмов остается между ними. Внешне они дружны, солидарны, из'ясняются друг другу в любви и т. д.

А вот в газетах промелкнул такой интересный факт о содержании того документа, который Хикс искал в нашем торгпредстве. — Оказывается, по словам буржуазных газет, пропавшей грамотой был

план воздушной бомбардировки Парижа. Это характерно для отношений между капиталистическими государствами. А между тем, они жмут друг другу руки, из'ясняются в любви, а в то же самое время в Париже вырабатывается план бомбардировки Лондона, а в Лондоне — план бомбардировки Парижа.

Происходит глухая борьба за гегемонию в международной политике между Англией и Францией. Полное недоверие одной к другой. Очень косо смотрит Англия и на воздушное вооружение Франции. Остаются не изжитыми противоречия между Францией и ограбленной Германией, которая начинает теперь оправляться. У немецкой буржуазии появляются тоже кое-какие аппетиты. Не изжиты противоречия между Германией и Польшей. Не изжитыми остаются противоречия между Северо-Американскими Соединенными Штатами и Японией. Продолжается конкуренция за экономическую гегемонию между Англией и Северо-Американскими Соединенными Штатами, и т. д. и т. д. Вся эта сумма противоречий остается целиком, происходят отдельные изменения, перегруппировки, но в целом, повторяю, вся эта сумма противоречий остается попрежнему. Каждый хочет торговать, развивать свою промышленность, завоевывать рынки. Борьба за рынки, борьба за право эксплоатировать отсталые народности была, есть и будет, пока существует империализм.

Борьба за рынки на очереди дня. Конкуренция обостряется, и тщетны все попытки путем сговора найти выход из надвигающегося кризиса. В чем, например, смысл недавно состоявшейся в Женеве международной экономической конференции? Как вы увяжете такой факт, что накануне разрыва Англии с нами на женевской экономической конференции самыми, говоря на политическом языке, интересными людьми были представители СССР?

Морально мы одержали победу на этой конференции, ибо все буржуазные государства под нашим нажимом должны были признать право на существование двух систем. Они должны были признать право на существование социалистического государства, как особой экономической системы. Почему? Откуда такой успех? Почему буржуазия вдруг так любезно к нам отнеслась? Да потому, товарищи, что там все были продавцами и только мы одни—покупателями. И такими покупателями, которые кладут деньги на стол во-время—по каждому векселю получишь в срок, такими покупателями, у которых покупательная способность растет из года в год, которых каждый хотел бы прикрепить к себе. Правда, это — «отвратительные большевики», которых на картинах рисуют с лохматыми бородами и с ножом в зубах, которые едят суп из маленьких детей, но золото не пахнет, а платят они хорошо.

Война не такая легкая вещь, война — вещь не простая. Об'явить ее сейчас — это значит для консервативного правительства окончательно скомпрометировать себя в глазах всего населения; но предварительная подготовка к ней уже ведется. И тем не менее, *идет бешеная подготовка к войне со стороны наших врагов,* идет наступление по разным линиям: они смотрят, нельзя ли то здесь, то там ослабить будущего противника, устроив несколько диверсий. Диверсией называется, когда, находясь формально в мирных отношениях с другим государством, какое-либо государство подбрасывает другому маленькие банды, отдельные отряды по 3—5, 100—200 человек, за их ответственностью, с целью нанесения материального вреда: подорвать мост, бросить бомбу в клуб, где занимаются диалектическим материализмом, взорвать пороховой погреб, или крупное механическое сооружение, фабрику, завод—словом, под диверсией разумеется всякий вред, причиняемый противнику. Что фактов такой диверсии в СССР достаточно—говорить не приходится. У вас в Ленинграде был опыт такой диверсии. Если убит тов. Войков, то хотя это политический акт без результатов, ибо убийством отдельных лиц ничего нельзя сделать, ничего перевернуть, но, тем не менее, это все-таки политический жест. Бросать бомбы в ленинградские клубы, в кружки по изучению экономической географии, диалектического материализма, политической

экономии—это могут делать только диверсионные отряды. Что значит убить студентов,—какой это террор? Какой это имеет политический смысл? Какое влияние на жизнь государства оказали пострадавшие молодые студенты? Если на том или другом политическом деятеле сосредоточено внимание, потому что он проводил такую политику, за которую его убивают, то это глупо, но это может быть понято человеком с политическими способностями ниже средних. Но как понять это? — Это — диверсия, только диверсия. Мы знаем, что на некоторых заводах были попытки поджогов, мы знаем, что в машинах, которые хотели пустить, находили гайки, мы видели засунутые в конвейеры болты. Кто это делает? Не наши рабочие, ибо наши рабочие понимают, что это их машина, их шестерня, за которые им приходится платить трудом и потом. Русский рабочий этого не сделает. Это — попытки диверсией дезорганизовать наш тыл, террором запугать нас, попытки втянуть нас в войну, подорвать наш престиж, поставить нас в роль державы второй степени. Либо терпи, — тогда упадет твой политический престиж, и ты сойдешь на роль второстепенной державы; либо, если хочешь сохранить свой престиж, начинай войну. А мы говорим: престиж престижем; иногда у нас сердце поворачивается от негодования, иногда у нас от гнева сжимаются кулаки, как, например, когда в застенках Чжан-Цзо-Лина пытают наших сотрудников, но для

нас понятие престижа нечто совсем другое, чем для буржуазных политиков. Для нас престиж состоит в том, что никогда красноармеец СССР, никогда правительство СССР, никогда дипломаты СССР не выступают в роли насильников и угнетателей. Наш престиж заключается в том, чтобы обеспечить мирное, спокойное социалистическое строительство в стране. Вот наш престиж. Понятие о престиже заключается для нас в том, что мы без крайней необходимости, если только где-нибудь революции не угрожает смертельная опасность, не допустим пролиться ни одной капли крови рабочих и крестьян!

Были и будут попытки финансовой блокады, были попытки экономической блокады. Все это вместе взятое создает атмосферу подготовляющейся войны. В самом деле, когда начинают стрелять в наших послов, когда начинают бросать бомбы в марксистские кружки, отсюда недалеко до того, чтобы вывести из себя человека со средними нервами, да, пожалуй, можно вывести из себя и целый народ. *Это есть подготовка к войне, это есть начало конца передышки.* В какой момент, с какой стороны, будет нанесен нам главный удар со стороны врагов, когда и как будет навязана нам война — мы не знаем, но мы к этому должны быть готовы — и готовы.

Я говорил, что рабочий класс всех стран смотрит теперь на Союз Советских Республик иначе, чем он смотрел несколько лет тому назад. Рабочие других

стран воочию видели положение в Ленинграде, Москве, Донбассе, на Кавказе, и многие из них видели больше, чем видели наши московские и ленинградские рабочие, ибо им дана была возможность разъезжать по всей нашей стране. И вот они вернулись, рассказали своим братьям-рабочим о том, что делается в нашей стране. Характерным является то, что наша деятельность одобрена германской рабочей делегацией, состоявшей на 75% из социал-демократов и только из нескольких коммунистов. При отчете этой делегации присутствовали представители христианских союзов, представители католических рабочих организаций, и они одобрили доклад делегации о советской республике, одобрили его единогласно. Несмотря на то, что западно-европейского рабочего так морочат, что он состоит в христианских и католических союзах, — истинное пролетарское нутро иногда прорывается, оно открывает обман и ложь и вылезает наружу в голосовании за русских рабочих. При таких условиях об'явить нам войну — дело рискованное. Несмотря на всю свою тупость и всю слепоту, буржуазия это понимает. Консерваторы, глупо и бессмысленно разорвав торговый и дипломатический договор, думают, что торговля с нами после этого не сократится. Поставив английские торговые круги перед фактом, говорят, что мы в них заинтересованы, и будем торговать и без дипломатических сношений. Если так будет, они скажут: «видите, мы

правы: и с дипломатическими отношениями и без них—все равно, они торгуют». Нет, извините! Все-таки, для того, чтобы торговать, — необходимы элементарные гарантии. Таким образом, торговать при создавшихся условиях нельзя, а кто от этого пострадает — мы посмотрим.

С финансовой блокадой, пока-что, дело тоже не выходит. Об этом говорят новые кредиты, которые мы кое-где получаем. Об'явить финансовую блокаду — это значит отказаться от торговли с нами, что будет стоить очень дорого тем, кто это будет проводить. Таким образом, и экономическая и финансовая блокада пока-что не выходят. Остаются попытки диверсии, попытки деморализовать наш тыл,— но это не легкая штука. Я думаю, что деморализовать вас, которые видели осаду Ленинграда, терпели холод и видели армию Юденича чуть ли не у Нарвских ворот — мудреная штука. Напугать нас террором — это совершенно детская штука и ерунда. Видели мы и револьверных выстрелов сколько угодно. В нашего вождя — отца рабочего класса, Ленина — было пущено несколько отравленных пуль — и что же? Ни на иоту у него не дрогнуло сердце.

Все это, вместе взятое, есть до известной степени проявление нервности. Нас хотят вызвать на войну, думают, что наши нервы не выдержат. Нет, когда дело идет о крови рабочих и крестьян, о срыве социалистического строительства, когда дело идет о

том, что нас хотят вызвать на преждевременную схватку, на преждевременный бой — тогда у нас крепкие нервы. Если во время империалистической войны немцы говорили: «победит тот, у кого крепче нервы», то теперь мы можем сказать: мы сделаем все, чтобы сохранить мир, потому что у нас самые крепкие нервы. У большевиков нервы крепкие; это мы можем сказать всему буржуазному миру. Кроме того, у русских рабочих и крестьян есть доверие к совстской власти, являющейся представительницей широчайших масс народа, к той власти, которая вывела из экономического тупика всю страну, вывела ее из голода, холода и эпидемий, которая десять лет вела ее по пути улучшения экономического положения широких масс трудящихся. У крестьян и рабочих к этой власти есть доверие.

Если речь идет о том, что нас хотят вызвать на войну путем диверсий и террористических актов — то это у них нервы шалят, а не у нас. Но мы из этого сделаем целый ряд выводов. Первый вывод, который напрашивается, следующий: эти диверсии показывают, что кое-где мы чересчур благодушно настроились, поставили винтовки в угол, распоясались — ворота нараспашку: приходи, кто хочет, и делай, что хочешь; все — друзья, все — братья. Нет, мы живем во враждебном окружении, а поэтому благодушие по-боку, оно никуда не годится. Все это заставляет еще крепче, еще более усиленно строить

нашу социалистическую жизнь. *Время передышки, повидимому, остается очень коротким, быть может, несколько месяцев, а быть может, несколько недель,* и все, что можно за это время сделать, чтобы враги не застали нас врасплох, нужно сделать. Нужно быстрее строить наши фабрики и заводы, нужно давать лучшего качества товары. Нужно сплотить свои ряды, подтянуть дисциплину и т. д., и т. д. Мы — большевики — победили, рабочий класс нашей страны одержал победу, благодаря тому, что про нас говорили, что у нас не только железная, а дьявольская дисциплина.

Правда, товарищи, немножко у нас в большевистских рядах, как будто, распоясались. Нам теперь приходится порой слышать со стороны беспартийных рабочих, на беспартийных митингах, разговоры о том, что, мол, теперь уж что-то не так, как было раньше, что у нас появилось баловство, расхлябанность. Сплотить наши ряды необходимо, спаять общую волю нужно, подтянуться нам следует, работа должна быть удесятерена, она не должна ни на минуту прекращаться. Нам следует сильно всем подтянуться, а коммунистам — в первую очередь, а все, что этому мешает, должно быть отброшено. Только под этим углом мы и будем рассматривать всякие предложения, в том числе и о дискуссиях. Если это содействует нашей работе по сплочению пролетарских рядов, если это способствует нашей подготовке

к обороне страны, давайте дискуссировать; если же это не содействует этому, а только мешает — пошлем это к чорту. Все, что идет на пользу сплочения наших трудящихся, мы будем поддерживать, и плевать мы хотим на всякие диверсии. Нас такими мелочами не запугаешь и меньше всего запугаешь вас, меньше всего запугаешь тот город, где родилась советская власть. *Мы не должны терять теперь ни минуты времени, используя все для подготовки обороны страны. Враги не должны застать нас врасплох.* И я уверен, что первый совет в мире (а первым советом в мире был Ленинградский Совет) будет не в последних, а в первых рядах,— в мирном ли строительстве, в грозе ли или в буре войны. Позвольте мне выразить уверенность, что ленинградские рабочие и их Совет были и будут первыми. *(Бурные аплодисменты).*

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО.

Товарищи, я не имею никакой возможности ответить на все записки. Большинство из записок относится к тем вопросам, которые в достаточной степени освещены докладом, и я думаю, что они написаны до конца моего доклада. На часть из них я ответить не могу, считая, что вопросы, затронутые в них, не относятся к теме данного собрания.

На остальные записки, относящиеся к затронутой мной теме, но не затронутые в докладе, я считаю необходимым ответить.

Среди поданных мне записок есть и тревожные вопросы, например: зачем в Балтийском море английский флот? Не сможет ли он перейти к активной блокаде? Не будет ли он останавливать наши суда? и т. д. Ну, конечно, когда имеешь дело с такими твердолобыми людьми, как английские консерваторы, то трудно сказать, что будет завтрашний день. Все же мне думается, что эти тревожные вопросы вызваны недоразумением.

Какое значение имеет посещение английским флотом Балтийского моря? Это есть военная демонстрация, это есть политический жест, угроза, для

того, чтобы произвести впечатление на прибалтийские государства. Недавно на Балтийском море происходили маневры нашего флота, и вот, чтобы ободрить мелкие балтийские государства, ослабить впечатление, произведенное этими маневрами, производится эта демонстрация, чтобы показать им: «смотрите — это что, что вам показал Ленинград! а вот мы вам покажем!» И вот для этого приходит английская эскадра.

Мы никогда не отрицали, что у них кораблей больше, что корабли у них лучше. Пусть они продемонстрируют и кое на кого произведут впечатление. Этому удивляться нечего; но мне думается, что это простая, обычная военно-морская демонстрация, с целью произвести впечатление на мелкие балтийские страны: «вот, дескать, смотрите, какие мы сильные».

Вопрос, на который невозможно ответить, это— вопрос такого порядка: «когда будет война? укажите точный срок; будет ли война в течение ближайших двух месяцев?» и дальше: «с какой стороны будет нападение?» Ну, товарищи, когда речь идет о сроке, я не пророк. Владимир Ильич нас учил: «смотрите, сроков не назначайте». Он сам раз назначил срок и ошибся: срок оказался длиннее, чем мы предвидели. В сроках ошибиться можно легко. Так что, будет ли война в течение ближайших двух месяцев, не могу сказать, и не могу гарантировать, что не будет. Это будет зависеть от многих причин. Это будет зависеть

от того, как будет реагировать международный пролетариат на все происходящее. Кстати, этим я отвечаю и на вопрос о позиции западно-европейских рабочих. Она будет зависеть от того, удастся ли правительству консерваторов спаять какой-нибудь блок против нас. Своими же собственными руками консерваторы воевать не будут.

Вопрос: «Не изменится ли по отношению к нам позиция Германии? не удастся ли им втянуть Германию в активный блок против нас?» Я лично думаю, что в данный момент это им не удастся при всем желании, потому что существует целый ряд противоречий, которых никак нельзя примирить. Так, например, нельзя иметь одновременно своими союзниками и Польшу и Германию, так как для того, чтобы удовлетворить Германию, нужно ей вернуть земли, которые захвачены поляками; а удовлетворив Германию, обидишь Польшу. Усилив же Германию, кроме того, обидишь Францию, которая боится всякого усиления Германии, ибо последняя и так слишком быстро поправляется после войны.

Я думаю, что на ближайшее время этого не удастся сделать, и нейтралитет Германии, как и Турции, в данный момент нам обеспечен, ручаться же за будущую политику всякого буржуазного государства нельзя.

Еще тревожный, вполне понятный вопрос: «Почему не раскрыты виновники покушений на взрывы

и виновники последнего взрыва? делается ли что-нибудь, чтобы их разыскать?»

Товарищи, для того, чтобы задавать вопрос о том, разыскиваются ли виновники покушений, и в том числе подготовки взрыва на само ОГПУ,— нужно не знать ОГПУ. Что же касается того, что виновники не разысканы, то приходится сказать, что даже ОГПУ не всегда всесильно. Бывают ошибки, и если был какой недосмотр со стороны работников ГПУ, то поверьте, что вина их в этом небольшая, они делали и делают все, что могут. Нам всем нужно поддерживать авторитет ГПУ и усиливать его работу, ибо оно является карающим мечом революции. Мы до сих пор могли уверенно строить свое хозяйство и спокойно вести работу под защитой ГПУ, потому что тысячи ответственнейших работников и преданнейших людей день и ночь не спали для того, чтобы мы могли спокойно работать и спать. Но иногда недосмотр бывает. Война есть война. Всегда побеждать нельзя; иногда бывают промахи и ошибки, и враг оказывается сильнее нас. Но ленинградский пролетариат и пролетариат всего СССР может быть уверен, что ГПУ не спит, а делает то, что требует от него революция, и свой долг будет исполнять и впредь до конца.

Следующий вопрос: «Будет ли наверняка победа революции в Китае и как скоро это будет?» Маркс нас учил тому, что легко было бы делать революцию,

если бы, сидя в удобном кабинете, можно было высчитать все шансы за и против. Если сто процентов за—я открываю революцию, если нет, не выходит, так я революцию не делаю. В том-то и заключается гнилость реформизма, что реформисты думают, что революцию можно начинать только тогда, когда за нее все 100%, когда все шансы за победу, что это можно высчитать, дождаться того момента, когда буржуазия отдаст сама все фабрики и заводы рабочим. Конечно, так революция не делается, точно рассчитать ее нельзя.

Мы уверены, что китайская революция непобедима. Что это значит?—Это значит, что она может терпеть временные поражения. Ведь, уже были предательства и, вероятно, еще будут предательства не одного генерала. Когда происходит широкое национальное движение, этого не избежать. Когда китайские рабочие и крестьяне начнут еще более энергично землишку отбирать, тогда многие, теперь революционные элементы испугаются и перейдут на сторону империалистов, на сторону насильников. Но, я думаю, что ни один из коммунистов не сомневается, что движение, особенно движение в Китае, где насчитывается свыше 400 миллионов населения, движение, захватившее сотни миллионов крестьян и рабочих, — что такое движение не может быть раздавлено, что его нельзя расстрелять из пушек, ибо на это, товарищи, и пушек не хватит, и бессильны те,

кто захочет задавить такое движение. Пусть будут временные неудачи, заминки, остановки, но движение крестьянских и рабочих масс Китая непобедимо.

Некоторые товарищи спрашивают о судьбе арестованных в Китае сотрудников полпредства и, в частности, о судьбе арестованных на корабле «Память Ленина». Судя по сегодняшним газетным сведениям, матросы освобождены, а остальные арестованные будут подвергнуты китайскому суду. Что вынесет суд? — Это зависит от многого и, между прочим, от международной ситуации. Конечно, в Китае будут добиваться убийства наших товарищей, их казни. Сейчас идет попросту вопрос о головах людей. Будут ли наши товарищи расстреляны, будут ли им отрублены головы, по китайскому обычаю, либо они останутся в тюрьме, — это покажет нам время, предсказать решение Чзан-Цзо-Линовского суда трудно.

Совершенно естественно спрашивает один товарищ в записке: «Докуда же мы будем терпеть, что наших бьют?» Да, наших бьют, а мы терпим; ничего не поделаешь: приходится терпеть, по тем же причинам, о которых я вам говорил. Этим нас хотят спровоцировать на войну, хотят, чтобы мы поддались сто раз законному чувству негодования, но, тем не менее, политически нецелесообразному чувству. В том-то и заключается твердая политика: чувству не поддаваться. Чтобы быть хорошим революционером, нужно иметь очень горячее сердце и очень холодную

голову. Каждого из нас возмущает, что наших бьют, подло из-за угла убивают; что бросают бомбы, что, может быть, будут делать это и впредь. Конечно, невольно поднимается законное чувство негодования, возмущения; но это возмущение принадлежит к области чувств, а тут нужен холодный рассчет и спокойствие.

Сейчас в Москве опускают в могилу тело павшего от пули врага красного дипломата — тов. Войкова. С великой скорбью опускает пролетариат СССР это тело в могилу. Опускает он его с великой скорбью потому, что мы потеряли одного из лучших и беззаветных работников советской власти. Тем не менее, на могиле тов. Войкова мы скажем: «нас не запугаешь этими выстрелами». Один ответ должен быть нами дан врагам пролетариата: «Один из лучших бойцов наших пал. Сомкнитесь. Горд будет тот, кто вступит на его место». Наши дипломаты тем и отличаются от буржуазных дипломатов, что они — дипломаты, находящиеся во вражеском лагере, под огнем, под дулом револьвера врагов; но мы не должны и не дадим прорываться чувству, не допустим того, чтобы чувство руководило нашей политикой. Мы должны подтянуться, десять раз сказать себе: «подтянемся! немножко мы распустились», — но мы попрежнему будем говорить: «нервы у нас крепки; спокойный и холодный рассчет при горячем сердце; спокойный рассчет в соотношении сил классов». Интересы рабочего

класса требуют, чтобы мы временно подавили чувство, чтобы у нас господствовал рассудок, но мы не пасифисты. Смешно было бы, если бы у нас аргументом было, что мы за мир вообще; нет, мы не за мир вообще, мы за классовую борьбу, мы за классовую войну до победного конца, мы за то, чтобы драться, так драться на чистоту, кто кого; но мы принимаем бой тогда, когда он выгоден для рабочего класса. Мы сделаем все, чтобы война не началась, но мы должны сказать и скажем нашим врагам за рубежом и внутри страны: сеющий ветер пожнет бурю. Тому, кто внутри будет баловать, пытаться дезорганизовать тыл, мы покажем, что у революции есть суровая, железная рука, расправляющаяся со всяким контр-революционером, который думает под влиянием теперешних событий поднять голову. Пусть знают за рубежом, куда донесутся голоса ленинградских рабочих, которые выступали на этой трибуне, членов совета, — начиная от домашней хозяйки и кончая командиром вооруженных сил Ленинграда и представителями ученых, — что в нашем лагере трещин нет. Мы за мир, но мы ясно видим надвигающуюся войну — мы все силы положим на то, чтобы в любой момент встретить врагов грудью. Мы за мир, но смотрите: если для нас останется один выход, если нам навяжут войну, — то сеющий ветер пожнет бурю.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр
Угроза войны и задачи рабочего класса. (Речь на заседании Пленума Ленинградского Совета РК и КД 11 июня 1927 г.)	3
Заключительное слово	39

С.С.С.Р.
ИНСТИТУТ
К. Маркса и Ф. Энгельса
Ц. И. К.

70к.

18393

65

Цена 15 коп.

Книгоиздательство ВЦСПС.
Москва, „11“, Солянка, 12. Дворец Труда.
Тел. № 5-08-32.

Книжный магазин:
Кузнецкий мост, д. № 14 (уг. Рождественки).

Сибирское краевое отделение:
Новосибирск, Дворец Труда.